

ВЛАДИМИР РОДИН

дипломат

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ

Почему я так люблю свою профессию? Ведь есть же певцы, пианисты. Они прославляют человека на все времена. Всемирную известность приобретают композиторы, режиссеры, крупные ученые, изобретатели. Но профессия дипломата стоит особняком. Наталья Нарочницкая, историк, умница и русская красавица, говорила на вечере памяти знаменитого русского дипломата Юлия Квицинского, что есть лишь три сферы деятельности в России, “испокон именуемые службой: священническое служение, военная и дипломатическая служба”. Человек, решивший вступить на почетный, но очень трудный путь дипломата, ограничивает себя в определенных свободах: он служит не только государству, но и отечеству. “Гражданственность мировоззрения, — подчеркивала Нарочницкая, — верность вечным и неизменным интересам страны, которые не меняются в зависимости от политического режима. Это абсолютно необходимо дипломату, как доброта и милосердие необходимы врачу или учителю, но не так обязательны для физика-теоретика” (“Дипломат Юлий Квицинский”. Сборник воспоминаний, Международные отношения, 2013).

Ваш покорный слуга поступил в МГИМО в 1947 году, когда страна не задела ещё глубокие раны, нанесенные нам профашистской Европой во главе с нацистской Германией. И я был приятно удивлен тем, какой заботой и вниманием государство окружило нас. Лучшие профессора: Тарле, Крылов, Дурденевский, Любимов, лучшие преподаватели иностранных языков, мой любимый учитель немецкого языка Федор Яковлевич Лиёпа-Розенберг, прекрасная библиотека, столовая, спортивный зал! Из тощего молодого человека, я стал крепким гимнастом, принимал участия в соревнованиях между высшими учебными заведениями столицы, участвовал в парадах физкультурников на Красной площади! Нам ещё и стипендию платили! Только учись!

Дипломатия, это, на мой взгляд, большое искусство, умение ладить с людьми, решать споры не с помощью оружия, а путем переговоров, поиск взаимоприемлемых для обеих сторон компромиссов. Это достигается путем кропотливой работы, доверительных бесед — без переводчика! — самой захватывающей сферы работы дипломата, когда он — в полном одиночестве — ищет то единственное слово, тот единственный аргумент, который поможет развязать тугой узел конфликтной ситуации с учетом национальных интересов его страны. И нет большего счастья для дипломата, когда его собеседник принимает его аргументы и вносит коррективы в собственную позицию, не поступаясь, естественно, коренными интересами своей страны. “Служенье муз

не терпит суеты”, – говорил Пушкин. Это в полной мере относится к работе дипломата. Попытки Горбачева и Шеварднадзе “кавалерийским наскоком” решить самые сложные проблемы, от которых зависела судьба нашего отечества, принесли огромный, невосполнимый ущерб интересам безопасности России. Это объясняется тем, что “новый подход, новый взгляд” на дипломатию стали практиковать в СССР политики-любители и дипломаты-дилетанты, которые не могли даже выговорить слова: “национальные интересы Советского Союза”. Правильно говорил дедушка Крылов: “Беда, коль пироги начнет печи сапожник...”

Какими же качествами должен, на мой взгляд, обладать человек, решивший посвятить свою жизнь этой ответственной, почетной и необыкновенно интересной профессии?

Перефразирую Ленина: настоящим дипломатом может стать лишь человек, овладевший знаниями, накопленными человечеством. Разумеется, это – задача. Овладеть всеми знаниями невозможно, но дипломат должен знать хорошо свое ремесло; владеть хотя бы двумя иностранными языками; быть подкованным в истории, внешней политике, культуре, нравах и обычаях страны пребывания; разбираться в международных делах, не замыкаться в своей норке. Он должен постоянно накапливать знания, поскольку жизнь не стоит на месте, а ставит перед нами новые и новые вызовы.

Приведу пример выдающегося дипломата русской школы Юлия Квицинского. “Опять Квицинский”, – скажут мне некоторые мои коллеги: “Как будто нет у нас других дипломатов!” Конечно, есть. Но никем на Западе так не восхищались, как Квицинским – его легкостью в беседах, способностью переходить с немецкого на английский или испанский язык, его глубокими знаниями по предмету переговоров; осведомленностью в области культуры, искусства; твердостью в отстаивании своих позиций на переговорах. “Железная рука в лайковой перчатке!” – так писала о нём пресса ФРГ.

Так вот, Квицинский, когда ему поручили совсем новое для него дело – проблемы разоружения, поделился своими мыслями относительно кругозора дипломата. Он пришел к выводу, что хороший дипломат не может разбираться в порученной ему материи, не располагая знаниями “хотя бы азов военно-стратегического положения в мире и финансово-экономических механизмов, которые ими движут” (Юлий Квицинский, “Время и случай”).

Когда нацистская Германия была разгромлена Советским Союзом и его союзниками по антигитлеровской коалиции, а на её территории образовались ГДР и ФРГ, нам пришлось иметь дело с очень умными и изощренными политиками и дипломатами ФРГ. После того, как линия Аденауэра “с позиции силы” потерпела крах, на смену ей пришла “восточная политика” Вилли Брандта и Эгона Бара.

Должен честно признать, что эти политики сумели – в конечном счете! – переиграть как руководителей ГДР, польствовавших на западную марку, так и наших советских лидеров, завороченных светлыми перспективами тесного сотрудничества с СДПГ в борьбе за мир, закрепление статус-кво в Европе и прочая, прочая. Заместитель председателя СДПГ Хорст Эмке ответил критикам Московского договора из консервативного лагеря ФРГ: “Мы признали статус-кво, чтобы его изменить!”. Вот тут-то экономика и сказала свое слово! Политика, говорил Ленин, есть “концентрированное выражение экономики!”. Вместо того, чтобы поднимать жизненный уровень своего народа, измученного войной, советские руководители, в частности, Никита Хрущев, стали тратить огромные материальные ресурсы на оказание помощи развивающимся странам. Мы как-то упустили из виду, что западные державы приняли наш вызов, относительно мирного сосуществования двух систем. Они подняли перчатку, которую мы им бросили, а мы этого не заметили. А когда мы открыли западным немцам дверь в ГДР и страны Восточной Европы – после подписания с ФРГ Московского договора (1970 г.) с признанием в нём послевоенных границ в Европе, – то режимы в соцлагере затрещали по швам. Экономическая и социальная модель ФРГ оказалась более эффективной. Производительность труда в ФРГ, жизненный уровень оказались гораздо выше, чем в СССР, ГДР и странах Восточной Европы. Вот где собака зарыта!

Наши эксперты в Международном отделе ЦК КПСС не сумели разглядеть подводные камни в знаменитой восточной политике Вилли Брандта, которую

он наверняка согласовывал с США. А суть её, как мне разъяснил мой друг Ханс Шумахер, состояла в следующем: “Изменение через сближение”, что расшифровывалась самими социал-демократами так: “внешнеполитическое сближение (читай – с социалистическими странами) может привести к “внутриполитическим изменениям” (в этих государствах). “А Вы разгладить сумели?” – спросят уважаемые читатели. Ваш покорный слуга – направил в 1987 г. из нашего посольства в Бонне, где я работал советником, записку в Международный отдел ЦК КПСС, где обратил внимание на опасность тесного взаимодействия СДПГ с СЕПГ, правящей партией ГДР. Сослался на мудрую китайскую поговорку: “Если ты не можешь одолеть своего противника, то его надо обнять!” Кстати, к такой же оценке восточной политики Брандта пришел наш знаменитый разведчик генерал Александр Коротков. Он направил в Центр документ, где убедительно обосновывал “опасность сближения с ФРГ к началу 1980-х годов, а стало быть, ослабления социалистических завоеваний в Республике”, т. е. в ГДР (Георгий Санников, “Их закалила война”).

Интересная история произошла со мной в 2017 году. Руководитель московского бюро Фонда Конрада Аденауэра К. Кроуфорд организовал 26–28 апреля 2017 г. в Москве Международную конференцию “Новая восточная политика” ФРГ и политика разрядки в период Л. И. Брежнева”. В конференции приняли участие эксперты из России, США, ФРГ, Польши, Австрии и других стран. Был приглашен, в частности, академик А. Чубарьян. В дискуссиях “на полях конференции” участвовали: посол Р. Сергеев, советник-посланник М. Логвинов и ваш покорный слуга. Атмосфера на конференции была прекрасная. Западные эксперты были едины в том, каким благом для Европы стала “новая восточная политика” Вилли Брандта, которую продолжил канцлер Коль. Говорили о Хельсинкском процессе, преодолении раскола Европы и т. д. Во время перерыва пили кофе и вежливо общались друг с другом. Под занавес дали слово мне. И тут я – каюсь! – сыграл роль человека, который внес диссонанс в благозвучную атмосферу.

Поблагодарив за приглашение, я сказал: “Мы собрались здесь в канун великого Праздника советского народа – 72-й годовщины Победы СССР в Великой отечественной войне; рядом с Красной площадью, где 9 мая состоится военный парад в честь Дня Победы. Так вот, граждане России спрашивают нас, дипломатов, а как же так получилось, что много лет мы рассказывали им об успехах политики разрядки напряженности в Европе, а сегодня вооруженная армада НАТО двигается к нашим западным границам, создавая угрозу нашей безопасности?”

Подчеркнул, что “восточная политика” Вилли Брандта, которую продолжил канцлер Коль, несомненно содействовала потеплению политического климата в Европе, но ею очень ловко воспользовались США для экспансии НАТО на Восток. Пояснил участникам, в чем была суть политики Брандта применительно к ГДР и странам Восточной Европы (дьявол сидит в деталях!). Относительно *Buendnisfreiheit* (свобода выбора союзов) заметил, что в такую свободу верил только один Михаил Горбачев. На самом деле существует жесткая привязка: хочешь в богатый ЕС? – вступай в НАТО. А какие обещания нам давали западные политики о нераспространении НАТО на Восток! Но им поверил лишь Горбачев, наш “добрый человек из Ставрополя”.

В зале после моего выступления воцарилась неловкая тишина. Опустила голову молодая красивая дама, представлявшая Польшу. Но когда участники стали прощаться, ко мне подошел немец, видимо из бывшей ГДР, и крепко пожал руку.

Верность обязательствам

Российская дипломатия, плоть от плоти своего народа, всегда отличалась одним важным качеством – верностью своему слову и взятым на себя обязательствам.

Есть у русского народа такие, только присущие только ему черты характера: доверчивость, открытая душа, верность своему слову, великодушие к поверженному противнику; брезгливое отношение к мелким авантюрам, инсинуациям. Только на Руси действовали такие полководцы, как князь Святослав Игоревич, который извещал своих противников: “Иду на вы”.

Представим себе такую картину: разгромив молниеносно Польшу в 1939 году, Гитлер атаковал в 1940 году французов и англичан. А в тылу у него оставался Советский Союз. Вот был бы удобный момент для Сталина ударить в спину Германии! Ведь он знал, что война с нацистской Германией была неизбежна. Но он не пошёл на этот шаг. Русский грузин, как он себя сам называл, прекрасно понимал, что русский народ не примет такого вероломства – нарушения Пакта о ненападении.

Посмотрим, как ведут себя США в части соблюдения договоров с СССР. В 2002 году они в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО. Сегодня они заявляют о намерении выйти, – тоже в одностороннем порядке – из Договора по РСМД. Даже в американском сенате раздаются голоса против такого шага – США могут снискать во всём мире славу “ненадёжного партнёра”.

Выступая 27 февраля 1945 года в Палате общин, Черчилль сказал, что “маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почётной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они – хозяева своего слова. Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб себе, более точно, нежели русское, Советское правительство” (Черчилль Уинстон, Вторая мировая война. Ростов-на-Дону. Феникс, 1997 г.).

Культура диалога, дипломатические переводчики

Дипломатическая служба дарит человеку величайшую возможность – представлять за рубежом интересы своей страны; защищать её безопасность, рассказывать о её достижениях в области науки и культуры; но он должен делать это профессионально.

Дипломат, как хороший артист, все время живет в творческом полете. Он обязан проявлять инициативу, устанавливать и умело поддерживать полезные контакты, с целью получения информации. “Под лежачего дипломата информация не течет!” – любил повторять мой немецкий друг Ханс Шумахер. Дипломат не имеет права терять контроль над собой, впадать в истерику. В 1981 г. посол в Бонне Владимир Семенов поручил мне переговоры с МИД ФРГ о строительстве новых зданий посольств СССР в Бад-Годесберге и посольства ФРГ в Москве. Переговоры шли туго – МИД ФРГ настаивал на жесткой увязке сроков ввода в действие зданий в Москве и Бонне (и правильно делал, зная нашу бюрократию. – **В. Р.**) Но я возмущался, докладывая об этом Семенову, а посол мне сказал: “Эмоции – плохой советчик. Их могут расценить, как слабость твоей позиции”. Он был прав. Переговоры были успешно завершены, а новое здание посольства, а ныне – Генконсульства России – стало одним из самых красивых и комфортабельных, на мой взгляд, в мире.

Дипломат не может быть пленником догм, банальных пропагандистских лозунгов. С ним просто не станут разговаривать. Приведу такой пример: ваш покорный слуга оказался в составе первого советского посольства в Бонне в 1955 г., после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

Моим начальником был советник, известный экономист. Как-то мы пришли с ним на беседу к крупному промышленнику. Так вот, мой начальник сказал, что в Советском Союзе не может быть забастовок, поскольку “заводы и фабрики у нас принадлежат рабочим”. Немец решил, что это чистая пропаганда, и прекратил беседу.

С другим советником по новой технике мне удалось объехать всю страну. Это было необыкновенно интересно. Нас принимали капитаны немецкой промышленности. В принципе это была правильная установка Москвы – стремиться к взаимодействию с деловыми людьми ФРГ. В беседах мой шеф довольно прозрачно намекал немцам воротилам – Советский Союз заинтересован в развитии деловых отношений с ФРГ, а ваше правительство не идет нам навстречу. Разумеется, я смягчил высказывания нашего советника, но смысл-то я должен был передать. Немцы, разумеется, вежливо улыбались. А потом в самом популярном еженедельнике ФРГ “Der Spiegel” появилась едкая заметка: “Два русских дипломата разъезжают по ФРГ и призывают немецких промышленников “поддать пару” собственному правительству”. Посол Зорин сделал мне замечание. Не советнику, а мне, поскольку я же переводил. Это стало для меня хорошим уроком: не всякие мысли начальника надо буквально переводить собеседникам. Такие казусы случались и с переводчиками на высоком уровне.

В замечательной книге “Тайны разрядки – взгляд очевидца. Как Брежнев и Никсон выводили СССР и США из холодной войны”, Андрей Вавилов – один из наших лучших переводчиков на высшем уровне – пишет: “На дипломатическом переводчике лежит большая ответственность. Работа требовательная. Представьте: вы сидите возле двух самых влиятельных людей на земле и переводите их разговор. А если вы забудете или пропустите важное слово? Или неверно истолкуете сказанное?”

В 1960 году Вавилов стал свидетелем забавного эпизода. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов совершал визит в Индию. Местный журналист попросил его поделиться впечатлениями от Тадж-Махала. – Ничего особенного, – ответил Ворошилов, – лучше бы Великие Моголы потратили деньги не на строительство, а раздали их народу. Не стусевавшись, Юрий Виноградов, его переводчик, сказал: – Я преклоняю голову перед этим сокровищем архитектуры Великих Моголов! Индийские журналисты дружно зааплодировали. Свою карьеру Юрий Виноградов завершил послом на Шри-Ланке. А наш общий с Андреем Вавиловым друг, ведущий индолог Алексей Никифоров стал послом в Швеции!

Выдающиеся переводчики Советского Союза Олег Трояновский, Игорь Виноградов, Алексей Никифоров, Юлий Квицинский, Андрей Вавилов сделали блестящую карьеру, потому что им приоткрыли дверь в самое святое святых государственного строительства, военно-промышленного комплекса, новейших систем оружия. Читая книгу Андрея Вавилова, я ловил себя на крамольной мысли: в СССР, за годы советской власти, выросло несколько поколений молодых, грамотных, талантливых людей, а к власти нередко приходили малограмотные, невежественные люди, которые причиняли немалый ущерб авторитету нашей страны за рубежом. Уважаемый читатель, а вам не приходили в голову такие мысли? А ведь кадры решают все, говорил Сталин. Высокой культурой, профессионализмом отличался Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин. Им восхищалась даже английская Королева.

Очень интересную характеристику Косыгину дает Вавилов: “Никсону Косыгин не нравился. Возможно, дело было в спокойной уверенности и чувстве достоинства советского премьера; никакого тщеславия или эмоций, на которых можно было бы сыграть. Выдержка и прагматизм этого человека отпугивали американцев. Парадокс, но Никсону было проще общаться с Брежневым, партийным аппаратчиком, чем с Косыгиным, уверенным в себе руководителем промышленной корпорации, – именно такое впечатление он производил”. Я с глубоким уважением относился к Алексею Николаевичу Косыгину. Он был и большим дипломатом. В 1965 году ему удалось, в качестве посредника, урегулировать военный конфликт между Индией и Пакистаном. Но ему же не дали развернуться, провести настоящие реформы. Алексей Косыгин с горечью говорил: “Съедят меня эти украинцы”. (После смерти Сталина этнические украинцы 30 лет были у власти в СССР. Именно этим объясняется незаконная передача Хрущевым в 1954 году Крыма Украине.)

Опыт дипломатической работы

Конрад Аденауэр, которого Уинстон Черчилль называл самым выдающимся немецким политиком после Бисмарка, считал, что годы дают человеку “опыт, который не заменишь ничем, даже врожденным интеллектом. Для политика это особенно важно”.

Если посмотреть “кредитную историю” любого выдающегося дипломата, то мы найдем секрет его успешной карьеры. Во время первой командировки в ФРГ мне выпало счастье работать под руководством посла Андрея Смирнова. Он пользовался большим авторитетом в политических кругах. Из всех послов Аденауэр принимал для доверительных бесед только его. Так вот, в тридцатые годы, когда к власти в Германии пришли нацисты, Андрей Смирнов работал пресс-атташе в советском посольстве. Уж он-то в германском вопросе “пуд соли съел!”.

Дипломат должен пользоваться определенной симпатией среди общественности страны пребывания. В обоих германских государствах я служил 17 лет. По характеру ваш покорный слуга человек веселый, склонный к юмору, розыгрышу. В посольствах в Бонне, Берлине и Дели я готовил капустники к Новому году. Должен сказать, что эти мои качества очень помогли мне

в установлении контактов с депутатами бундестага, партийными деятелями и другими влиятельными людьми ФРГ.

Женщины и вино

Вот две опасности, которые подстерегают дипломата, я бы сказал – слабо дипломата. В ФРГ было много женщин, занимавшихся политикой. Надо было знакомиться. Мне помогло то, что беседовал я с ними не как русский медведь, а как человек, уже знакомый с местными нравами и обычаями, прошедший, к тому же, хорошую школу в ГДР. Познакомился я как-то с очень интересной женщиной, депутатом бундестага от СДПГ, Маргиттой Т. Энергичная, смелая. Она всегда побеждала на выборах в бундестаг прямым голосованием, а не по спискам. Однажды я докладываю, – с серьёзным выражением лица! – послу Владимиру Семенову: “Меня пригласила на ужин в ресторан знакомая женщина, депутат бундестага”. Он спросил: “Она хорошенькая?” “Да”, – ответил я. “Давай”, – говорит Семенов и хлопает меня по плечу! Владимир Семенов был веселым жизнерадостным человеком, с большим чувством юмора. Он, конечно, понимал, что я пытаюсь разыграть его, но даже бровью не повёл, и ответил мне в свойственном ему духе. О его юморе среди дипломатов ходили легенды. Но, если серьезно, то мои отношения с послом, который любил меня, строились на доверии. Он мне давал полную свободу действий. И чтобы я подвел его? – никогда в жизни! Доверие – очень важный фактор в работе дипломата. Мелочная опека сковывает его инициативу в работе.

Вино. “Трезвый с трезвым”, – так советовал вести беседы со своими партнерами выдающийся посол Владимир Виноградов. “Если ваш собеседник что-нибудь разболтает под хмельком, то он больше не станет с Вами встречаться, поскольку будет чувствовать себя неловко”, – говорил нам Виноградов. Еще в Берлине, работая в посольстве, автор этих строк стал последовательным борцом против “увлечения горячительными напитками”, а в ФРГ – тем более (водились там грешки). Хотя должен честно признаться – хорошие вина в Германии, как приятное сопровождение встречи, застолья, – традиция. Совсем отказаться от вина в беседе с немцем трудно. Но я научился умеренности и сдержанности, чего, к великому сожалению, не хватало подчас некоторым моим коллегам. Как-никак, но 17 лет я постоянно был за рулем в ГДР и ФРГ, и только дважды меня остановила полиция за небольшие нарушения. Порядку научился у немцев!

Мои немецкие друзья

Похоже, что мир англосаксов и их прихлебателей сошел с ума. В Польше продолжается позорная вакханалия по сносу памятников советским воинам-освободителям. Примеру польских властей следует Киевский майдан. (Дурной пример заразителен.) Оскверняют памятник генералу Ватулину, освобождавшему Киев от нацистских оккупантов, и прославляют бандеровцев, убивших знаменитого генерала. В Литве торжественно чествуют “лесных братьев”, кровавых палачей собственного народа.

Мои земляки, сталинградцы и с Дона с тревогой спрашивают меня, что происходит в мире? (Я родился в Сталинграде, а мой отец – донской казак, воевал в Первой конной армии Буденного. На память о нём у меня осталась грамота, которой “Красный командир Родин Митрофан Фролович” был награжден за отличную службу. Грамота подписана Будённым, Ворошиловым и Мининым в ноябре 1920 года.)

Мои земляки снова спрашивают меня, а “мои немцы” не собираются сносить памятники советским воинам освободителям?

– Отвечаю, нет! Пока – нет.

Незабываемая встреча с моими земляками произошла в 1979 г., когда в Сталинград-Волгоград прибыл поезд дружбы с молодёжью из ГДР, по случаю 30-й годовщины образования Республики. Ваш покорный слуга сопровождал делегацию из Москвы в качестве зав. сектором ГДР в Третьем Европейском отделе МИД СССР. Молодые немцы, наши друзья, граждане дружественного государства ГДР, прибыли в Сталинград, чтобы встретиться с советскими гражданами, пережившими все ужасы войны. Это были совсем другие немцы, чем те, которые разбомбили дотла мой родной город. Это были *наши* немцы!

И сталинградцы почувствовали это. Они оказали им радушный прием. Русский народ не злопамятен.

После Победы над фашизмом советские люди протянули руку дружбы немецкому народу. И немцы в ГДР ответили нам крепким рукопожатием: “Ваша Победа — наше освобождение! Спасибо!” — провозгласили они громко, на весь мир. Советским солдатам, навсегда оставшимся лежать в немецкой земле, которую они освободили от фашизма, они поклонились: “Никогда больше фашизм! Никогда больше война! Дружба с Советским Союзом!”

Но поворот в сознании немцев в советской оккупационной зоне произошел не сам собой. Этому предшествовала большая идеологическая, воспитательная работа, которую проводило советское руководство, лично Сталин с Красной Армией, нашими писателями и с народом в целом. В знаменитом Приказе Народного Комиссара Обороны от 23 февраля 1942 г. четко проводится мысль — Красная Армия не имеет своей целью “истребить немецкий народ”. Война за освобождение советской земли приведет “к изгнанию или уничтожению клики Гитлера”. Сталин призывал наш народ, Красную Армию не “отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством, а истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается”. Эти слова Сталина выбиты на гранитных плитах у величественного памятника советскому солдату в Трептов-парке, где каждый год, в День Победы, немцы возлагают цветы. У этого памятника интересная история. Скульптор Вучетич подготовил несколько эскизов и выставил их в Кремле. Один из них изображал Сталина с глобусным полушарием в руке, второй — “Воина-освободителя” со спасенной немецкой девочкой в руке.

Сталин посмотрел на свою бронзовую фигуру и спросил Вучетича:

— Слушайте, Вучетич, а Вам не надоел этот... с усами?

Затем он осмотрел фигуру солдата и сказал:

— Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина на высоком могильном холме. Пусть этот великан в бронзе, победитель, несет на своей груди девочку — светлые надежды народа, освобожденного от фашизма (Н. Ф. Хохлов, И. В. Сталин смеётся).

Идею Сталина о построении отношений с ГДР на прочном фундаменте дружбы и сотрудничества стали претворять в жизнь политики и дипломаты Советского Союза. Назову имена нескольких дипломатов-германистов: Владимир Семенов, Андрей Смирнов, Анатолий Ковалев, Александр Бондаренко, Валентин Фалин, Юлий Квицинский, Горальд Горинович, Владислав Терехов.

В 1952 г., после окончания МГИМО, меня направили в Берлин, в Союзную Контрольную Комиссию по Германии. Я вступил, таким образом, на немецкую землю, чтобы выполнить завет моего любимого учителя немецкого языка — навести мосты примирения и даже дружбы с немецким народом и сделать всё, чтобы с немецкой земли больше никогда не исходила угроза новой войны. И я на собственном опыте убедился в том, что эта великая идея была горячо поддержана не только немецкими антифашистами, но и юношами и девушками молодой Республики... Молодых людей из ГДР стали приглашать на учебу в высшие учебные заведения Москвы.

Позже они стали государственными служащими, дипломатами. Мой самый верный немецкий друг Вольфганг Грабовски — типичный представитель послевоенного поколения немцев ГДР. Он окончил МГИМО — кузницу дипломатических кадров и стал видным дипломатом, успешно защищавшим интересы ГДР, социалистического сотрудничества на мировой арене. Был руководителем Отдела Советского Союза в МИД ГДР, послом в Сирии и Индии.

Во всех международных организациях советские дипломаты работали плечом к плечу с дипломатами из ГДР, коллегами Грабовски. Вот чего нам так не хватает сегодня в ООН, ПАСЕ и других международных форумах, где нам противостоит хор дипломатов-руссофобов из Прибалтики, Польши, Украины и Грузии...

После поглощения ГДР Западной Германией, в результате предательства Гобачева, Яковлева и Шеварднадзе, Грабовски не пал духом. В качестве одного из опытных руководителей Лево́й партии он ведет активную политическую борьбу за развитие взаимовыгодных, добрососедских отношений с Россией, пишет статьи, выступает с комментариями в “Нашем современнике”. (А я их с удовольствием перевожу на русский язык. — В. Р.)

Курс на запад

Во время первой командировки в ГДР (1952–1955 гг) я, помимо всего прочего, занимался изучением внутренней и внешней политики в ФРГ. После установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ меня направили осенью 1955 года, в должности атташе, на службу в первое посольство СССР в ФРГ.

И тут-то я увидел небо с овчинку: “угли еще тлели и чрево рождало” жгучую ненависть к СССР, советским людям. И тем не менее, я с огромным желанием приступил к работе. Если в ГДР, где было очень много советских специалистов, можно было затеряться, как иголке в стоге сена, то здесь я оказался – благодаря знанию немецкого языка – сразу же востребованным. У меня возникло чувство, что это мое дело, что я могу здесь принести пользу своему государству. Чем же я приглянулся немцам? Они говорили мне – вежливостью. Если бы я позволил себе такое поведение, которое демонстрировал всему миру Хрущев в ООН, то меня выдворили бы из ФРГ в 24 часа. И такие вещи случались. Второе – своей инициативой: постоянным поиском контактов с деловыми людьми, чиновниками, которые помогли послу прорвать политическую блокаду в ФРГ. По простоте душевной я считал, что хорошо поработал в посольстве. Наш посол Андрей Смирнов даже продлил на полгода мое пребывание в ФРГ. Я подумал, что за мою активную деятельность в части восстановления деловых связей между СССР и ФРГ, канцлер Аденауэр мог бы – а что? – подарить мне машину “Фольксваген”. Никсон же дарил Брежневу дорогие автомобили! А я готовил проекты выступлений для Леонида Ильича, когда работал в Третьем Европейском отделе МИД СССР. Помню забавный случай. Однажды меня вызвал министр Андрей Громыко. Видно, помощник доложил ему, кто готовил проект выступления Брежнева в Праге. Звонит мне секретарь: тебя вызывает Громыко. Я решил, что она меня разыгрывает. Но потом появился завотделом Валентин Фалин и повел меня к министру. Входим – министр читает мою заготовку: “Второму Мюнхену не бывать!” Ворчит: “Я бы так не сказал!”. Все. Уходим. А на другой день я читаю в “Правде” репортаж о визите Брежнева в Прагу: “Второму Мюнхену не бывать!” Вот так я обошел министра.

“Друзья не умирают”

Самой интересной и самой яркой командировкой в моей дипломатической работе стали годы службы советником в посольстве СССР в Бонне (1981–1987). Я приехал в ФРГ спустя 30 лет! Страна стала другой. И я стал другим – набрался опыта и знаний. Ваш покорный слуга удивлялся на каждом шагу. Никто не шпынял меня за то, что я русский. Никто не шипел, когда я подходил к киоску, чтобы купить журнал “Der Spiegel”: “Sind Sie von drueben?” – “Вы оттуда?” (т. е. из ГДР). Удивлению моему не было предела, когда я стал устанавливать контакты в бундестаге – пожалуйста! Хотя далеко не все охотно шли на контакты с советским дипломатом.

Под влиянием советской политики на германском направлении, – а авторитет Советского Союза, его вес и влияние в послевоенной Европе был очень высок! – усилий наших друзей в ГДР, “восточной политики” Брандта, в сознании западных немцев произошли серьёзные перемены.

Моя работа стала цепью открытий. Досушие разговоры о том, что язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли, что дипломат должен лгать в интересах своего государства – пустая болтовня. В своих беседах с друзьями-политиками в ФРГ и даже с недругами мы говорили друг другу правду о том, что нас тревожит в двусторонних отношениях. Мы беседовали “без дураков”, т. е. откровенно, на основе взаимного доверия!

Мне удалось наладить хорошие связи с коммунистами, социал-демократами, профсоюзными деятелями и т. д. Расскажу о нескольких встречах.

Познакомился я с замечательным человеком, Хельмутом Хильдом – президентом Евангелической церкви Гессена и Нассау. После войны он сменил мундир офицера Вермахта на сутану священника и – в тесном сотрудничестве с Русской Православной Церковью – стал наводить мосты примирения между народами наших стран. Как-то раз он выступил с проповедью в одном из храмов Ленинграда. Верующие стали шептаться. Хильд посмотрел на переводчика. Тот – продолжайте!

“Когда я выходил из храма, — говорил с волнением мой собеседник, — женщины целовали мне руки!” Дело в том, что Хильд считал Восточный поход Гитлера против России “грабительской, захватнической войной”.

После возвращения в Москву мы долго переписывались с моим другом, вплоть до его кончины. Но, как сказал руководитель известной во всём мире Службы разведки ГДР Маркус Вольф: “Die Freunde sterben nicht!” (Друзья не умирают! — В. Р.)

Очень интересным собеседником оказался влиятельный депутат бундестага от фракции ХДС. Его имя называть не стану. Он жив и занят в большой политике. Помню, я пригласил его в уютный ресторан “Матернус” на дипломатический завтрак. В беседе речь зашла о предстоящем размещении в ФРГ американских ракет средней дальности.

Я внимательно выслушал доводы депутата в пользу размещения американских ракет и сказал, что мы можем долго спорить на эту тему. Но есть один фактор в отношениях между нашими странами, который мы не можем сбрасывать со счетов. Случилось мне сопровождать делегацию из ГДР в Белоруссии. Мы посетили в Минске музей Великой Отечественной войны. Там я увидел фото: на эшафоте, с петлёй на шее, стоит молодая девушка, лет 15. А внизу — ражие эсэсовцы. Так вот, девушка смотрела на них с презрением! Сверху вниз!

— Господин N, — спокойно сказал я, — Вы думаете, что мы это забыли?

Мой собеседник не сказал в ответ ни слова. Но спустя несколько дней я прочитал выступление канцлера Коля, где он подчеркнул: “Мы должны учитывать заинтересованность СССР в обеспечении своей безопасности”. Может быть, это было совпадение. Я не спорю. Человек я скромный.

Но и мои собеседники в ФРГ не оставались в долгу. Они, не стесняясь, критиковали в беседах внешнюю политику Никиты Хрущева, шибко напоминая теорию “перманентной революции” Троцкого. Утверждали, в частности, что это он способствовал приходу к власти в США ястреба Рейгана.

Наступление — это лучшая оборона

Россия переживает сейчас новое испытание. США развязали против нас информационную и экономическую войну. Русофобия возведена в США и их союзниках чуть ли не в ранг государственной политики в отношении России. В чем дело? Ответ есть. США теряют свое влияние в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии. Блестящей победой дипломатии над “политикой большой дубинки” закончилась схватка президента Трампа с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном. Угрозами и шантажом Трамп хотел заставить лидера Северной Кореи отказаться от ядерного оружия. США отправили к Корейскому полуострову целую военную армаду во главе с авианосцем “Карл Винсон”. Весь мир затаил дыхание — ядерная война? И вдруг Ким Чен Ын протягивает руку лидеру Южной Кореи Мун Чжэ Ину и предлагает единой командой выступить на зимних олимпийских играх. Вздох облегчения во всем мире, а Трамп со своими ракетами оказался третьим лишним. Вот что такое дипломатия. А до этого было успешное “Соглашение по ядерной программе Ирана”, которое Трамп хочет переписать, и блестящая победа российской дипломатии в диалоге с президентом США Обамой по проблеме химического оружия в Сирии.

Однополярный мир, лидерство англосаксов — заветная мечта, которую американская элита воплотила в жизнь, разжирев на Второй мировой войне, — дает сбой. Когда ТВ показывает картины встреч президента России Владимира Путина с лидерами Ближнего Востока, прибывающих в Сочи для консультаций с ним, кадры о тёплой встрече на саммите 20-ки в Аргентине лидеров России, Китая и Индии, то в Белом доме возникает паника, демократы и республиканцы бьются в истерику от бессилия изменить ход истории. Они не знают, что им делать с Владимиром Путиным. Обрушивают на Россию поток санкций.

Для чего американцы затеяли Майдан? Главная цель — превратить Украину в некий таран, направленный против России, а в Крыму разместить базу ВМС США. Вспомним, что заявила Юлия Тимошенко сразу после государственного переворота: необходимо денонсировать Соглашение о пребывании российского Черноморского флота в Севастополе. Владимир Путин переигрывает лидеров Запада (они там измельчали) и как дипломат, и как шахматист

на той самой мировой шахматной доске, о которой говорил Збигнев Бжежинский. Наряду с искусной дипломатией, Россия показала на Ближнем Востоке такое оружие, которое повергло в шок американских ястребов. Они никак не ожидали такой прыти от России, уступающей США в экономике. Что делать, — рассуждает американская элита, чтобы ослабить Россию, а ещё лучше задушить? — попытаться втянуть её в военный конфликт вблизи её границ, где она не сможет применить ядерное оружие. Но для этого надо, как это делали нацисты в Германии, развернуть неслыханную по своему накалу, пропаганду с одной целью: убедить цивилизованный мир в том, что русские — это плохие парни, они коварные и циничные; от них исходит угроза войны, они лелеют планы захвата Польши, Прибалтики и прочая, прочая. После того, как провалился “Грузинский проект”, интеллектуалы “гнезда Бжежинского” решили осуществить “Украинский проект”. Они ничего не изобрели нового. Старая американская дипломатия — воевать чужими руками, а самим сидеть за океаном и подсчитывать барыши. Заставить русских — на русской же земле! — воевать с русскими! Разве не такую доктрину США провозгласил сенатор Трумэн, будущий президент США, когда Гитлер напал на СССР? “Если мы увидим, что побеждают немцы, то надо помогать русским. А если станут побеждать русские, то помогать немцам. И пусть они как можно больше убивают друг друга!”. Украину, подхватившую от нацистской Германии страшную болезнь пещерного национализма, США решили использовать, чтобы спровоцировать войну между двумя славянскими государствами. Украинские власти взяли на вооружение все атрибуты нацистской Германии: факельные шествия, воспитание молодёжи в духе ненависти к русским, как к “недочеловекам”. В украинских лагерях детям внушают мысль, что русские — это нелюди, а раз так, то их можно убивать без всякой жалости. Это серьёзная опасность, которая нависла над нашей страной. Её никак нельзя недооценивать. СССР в свое время стремился не дать Гитлеру ни единого повода для нападения на СССР, но он, в конечном счете, все же развязал войну против нас. Петр Порошенко, на мой взгляд, видит в военном конфликте с Россией единственный выход, чтобы спасти свой режим.

В этих условиях нам не следует восхищаться собственными успехами и уповать на “политическое землетрясение” в ЕС (“Брекзит”), на серьёзный кризис власти в ведущих странах Запада и “закат англосаксонского мира”. Как раз в этих-то условиях Капитал искал, как показывает опыт истории, выход в войне.

Ваш покорный слуга согласен с академиком Алексеем Арбатовым — нынешняя Украина — это самая серьёзная внешнеполитическая проблема России. На мой взгляд, цели американских ястребов и киевской власти — задушить Россию — совпадают. Для достижения этой цели США применяют тактику “малых шагов”, чтобы усыпить бдительность России. Они же не сразу втащили в НАТО страны Восточной Европы, оказавшиеся бесхозными после роспуска Горбачевым “Варшавского Договора”, а постепенно. Так они действуют и с Украиной. Украина пока не член НАТО. Но американцы могут заключить с Украиной двусторонний Договор о безопасности, как, например с Японией, у которой тоже есть территориальные споры, и тогда... на наших западных границах могут появиться американские ракеты. Нет даже нужды говорить о том, какую угрозу они будут представлять для безопасности нашей страны. Это будет повторение ситуации 1941 года, с той лишь разницей, что на стороне, жаждущей реванша за потерю Крыма профашистской украинской власти будут стоять США и НАТО.

Автор этих строк считает, что мы недооценили важность для нас Украины. Чего стоило назначение послом в Киев аптекаря Зурабова! А американцы — под носом у нас — хозяйничали на Украине, как у себя дома.

Да и сегодня наша дипломатия занимает в украинском вопросе скорее оборонительную позицию, в то время как наши противники действуют нахраписто и нагло. Разумеется, мы можем ответить своими новейшими вооружениями. Но где наша знаменитая русская школа дипломатии, работающая на опережение? Где неожиданные для противника ходы на шахматной доске, которые поставили бы противника в тупик? Хорошо известно, что наступление — это лучшая оборона.

Американцы не хотят сегодня вести с нами переговоры по сокращению вооружений. Они откровенно дают нам понять, что считают Россию слабой

страной, несмотря на успехи нашего военно-промышленного комплекса. Они разговаривают с нами надменно, высокомерно, языком ультиматума! Англосаксы никогда бы не посмели развязать такую мерзкую кампанию русофобии во всем мире в годы, когда был жив Советский Союз, Варшавский договор; когда наши войска стояли в центре Европы; когда на пути восточных походов Европы против России непреодолимым бастионом стояла ГДР. Попробовали бы они предъявить ультиматум Сталину!

После развала СССР американцы решили показать всему миру, что они вновь оказались единственной сверхдержавой в мире и могут действовать без оглядки на остальной мир, на ООН и т. д.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что и в нынешних условиях успех внешней политики и дипломатии зависит в решающей мере от экономической мощи того или иного государства. Миром правит сила! В политике, подчеркивал Юлий Квицинский, “есть сила и пострашней, чем военная. Это экономическая сила, причем, если военную силу можно применять лишь в исключительных случаях, то избыток экономической силы можно применять для достижения политических целей хоть каждый день”. Достаточно было Китаю применить ответные меры в области торговли в отношении США, как Трамп, на форуме 20-ки в Аргентине (30 ноября – 1 декабря 2018 г.), пошел на попятную.

Безусловно мы достигли больших успехов в укреплении оборонного потенциала страны. Но автор этих строк пошел бы против совести, если не высказал бы своего неудовлетворения состоянием дел в экономике. Мне становится не по себе, когда я вижу, как наша власть показывает свое бессилие в попытках остановить безумный рост цен на бензин. Не надо быть шибко грамотным экономистом, чтобы не понять: рост цен на бензин означает рост инфляции и понижение уровня жизни народа. По-прежнему остается глубокий ров между богатыми и бедными.

В связи с кончиной 41-го президента США Дж. Буша в США посыпались комментарии о том, что США победили СССР в ходе холодной войны. Так ли? А мне кажется, поражение потерпели Горбачев, Шеварднадзе и Ельцин, когда они – с поднятыми руками – пошли в лагерь противника, чтобы покаяться за “грехи социализма и коммунизма”. Все они, в конечном счете, подали в отставку, признав поражение своей политики. Под Новый год мне удалось побеседовать со старым немецким другом-политиком. Он мне сказал, что положение сейчас намного опаснее, чем в годы холодной войны, когда был Советский Союз. И это вызывает большое беспокойство у немцев. А ваш покорный слуга высказал ему мысль – в нынешних условиях мир в Европе могут обеспечить русский и немецкий народы, обладающие “большими потенциалами для свершения акций мирового масштаба” (Сталин. Приветствие по случаю образования ГДР в 1949 г.). Подчеркнул, что у нашего народа нет никаких намерений на кого-то нападать. Но опыт истории учит, когда в Европе начинается шабаш по поводу “русской угрозы” – жди нападение на Россию!

И тем не менее, у нас есть основания для оптимизма. Россия набирает силу, становится открытой, демократической, гостеприимной страной. У нас есть всенародный лидер Владимир Путин. Он буквально вытащил страну из волчьей ямы, куда её загнали наши либералы; к штурвалу дипломатии пришли опытные дипломаты, патриоты России.

А любителям новых Восточных походов против России я могу сказать вот что: Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-Парке в Берлине “стоит на постаменте из трофейного гранита – камня, заготовленного по приказу Гитлера для строительства монумента в честь победы над Советским Союзом” (“Свой”, ежемесячное приложение к газете “Культура”, декабрь 2018 год).